

ФЕДЯНЦЕВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

21.08.1923 г.- 17.07.1993 г.

Был призван в ряды Красной Армии 21.07.1941 г. и поступил в военное училище в г. Архангельске, куда было эвакуировано Борисоглебское военно-инженерное училище. (На тот момент ему не исполнилось и шестнадцати лет, а по документам – семнадцати.)

Окончив с отличием училище осенью 1942 года, был направлен в звании лейтенанта на Закавказский фронт.

Боевой путь начал на Южном и Северном Кавказе, где строил дороги через горные перевалы, возводил мосты, сооружал переправы и гати (дороги в болотистой местности) для передвижения войск, техники, подвоза продовольствия, участвовал в высадке десантов, в частности на Малую землю, разминировал дороги, делал проходы в минных полях для атак Красной армии, минировал рубежи обороны наших войск. Командуя инженерно-саперным взводом в составе Отдельной приморской армии принимал участие в освобождении и разминировании городов: Перекоп, Керчь, Феодосия, Симферополь, Бахчисарай, Туапсе, а также территории пионерлагеря Артек. После Крыма в составе 4-го Украинского и 3-го Белорусского фронтов в условиях тяжелейших боев производил разминирования Смоленска, автодороги Москва – Минск, на которой его подразделением было обнаружено и обезврежено значительное количество взрывных устройств, в том числе замедленного действия большой мощности в количестве 10 шт., за что был награжден орденом «Отечественной войны II степени». Принимал участие в освобождении и разминировании г. Минска.

На протяжении нескольких месяцев силами вверенного ему подразделения производил разминирование подходов и объектов города – крепости Кенигсберга (Восточная Пруссия) и там же встретил Победу.

Был награжден орденами: Боевого Красного знамени, двумя орденами Отечественной войны II степени, двумя орденами Боевого Красного Знамени, двумя медалями за Боевые заслуги, медалями: за Оборону Кавказа, за взятие Кенигсберга и многими другими.

После себя оставил двух сыновей, дочь, четырех внуков, трех внуков, трех правнуков, троих правнуков.

ДЕДУШКЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

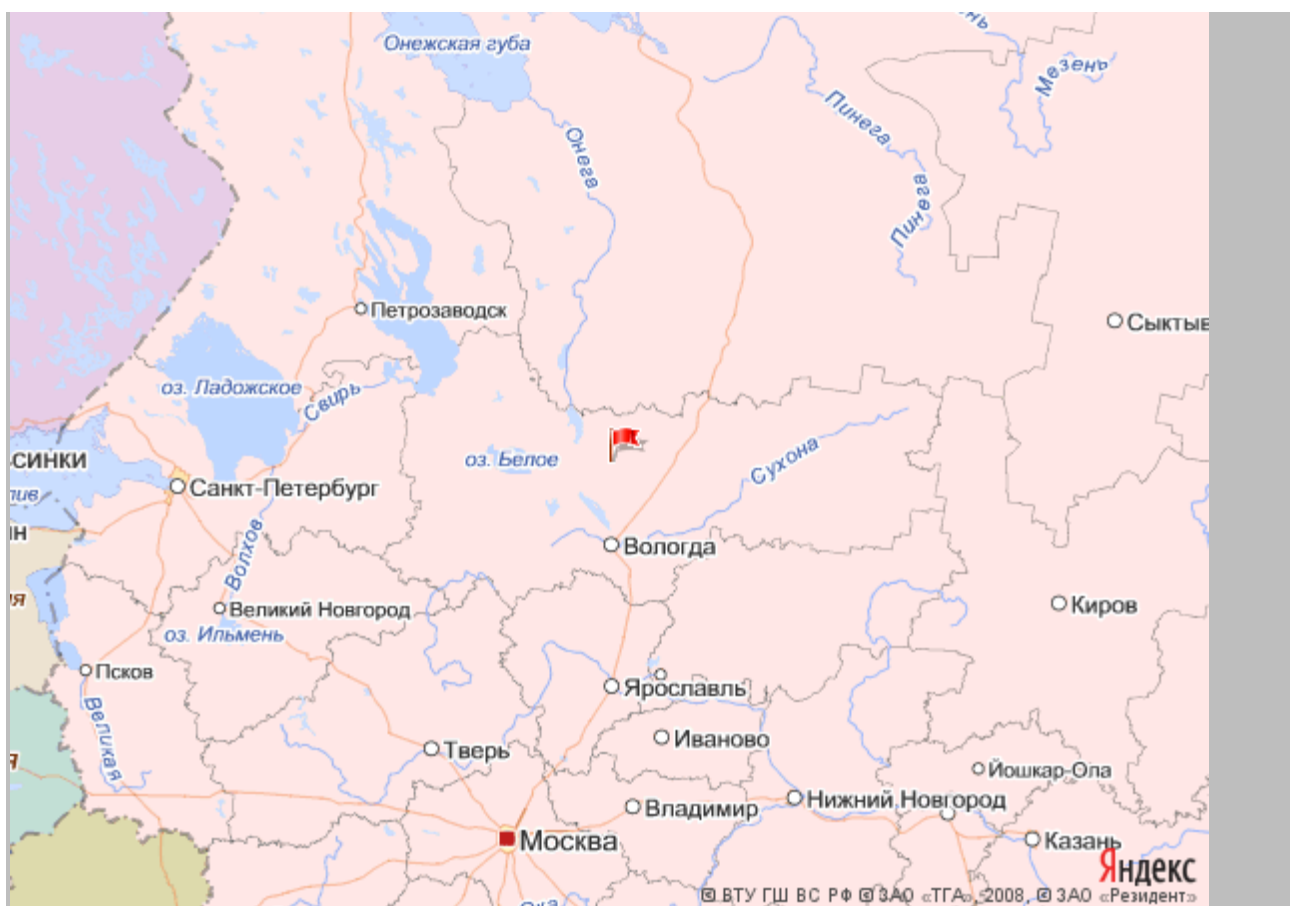
Я дедушку не знала своего.
Он умер вскоре после моего рождения,
Но я горжусь наградами его
И думаю о нем с волнением.

Совсем мальчишка, невысок и худ.
На фронте он узнал, что хлеб бывает белым,
Хотя он с детства знал крестьянский труд,
Он старшим помогал – пахал и сеял.

Саперов смелых взвода командир,
Прошел он от Кавказа к Кенигсбергу.
Он первым в города и села заходил
И уходил из них последним.

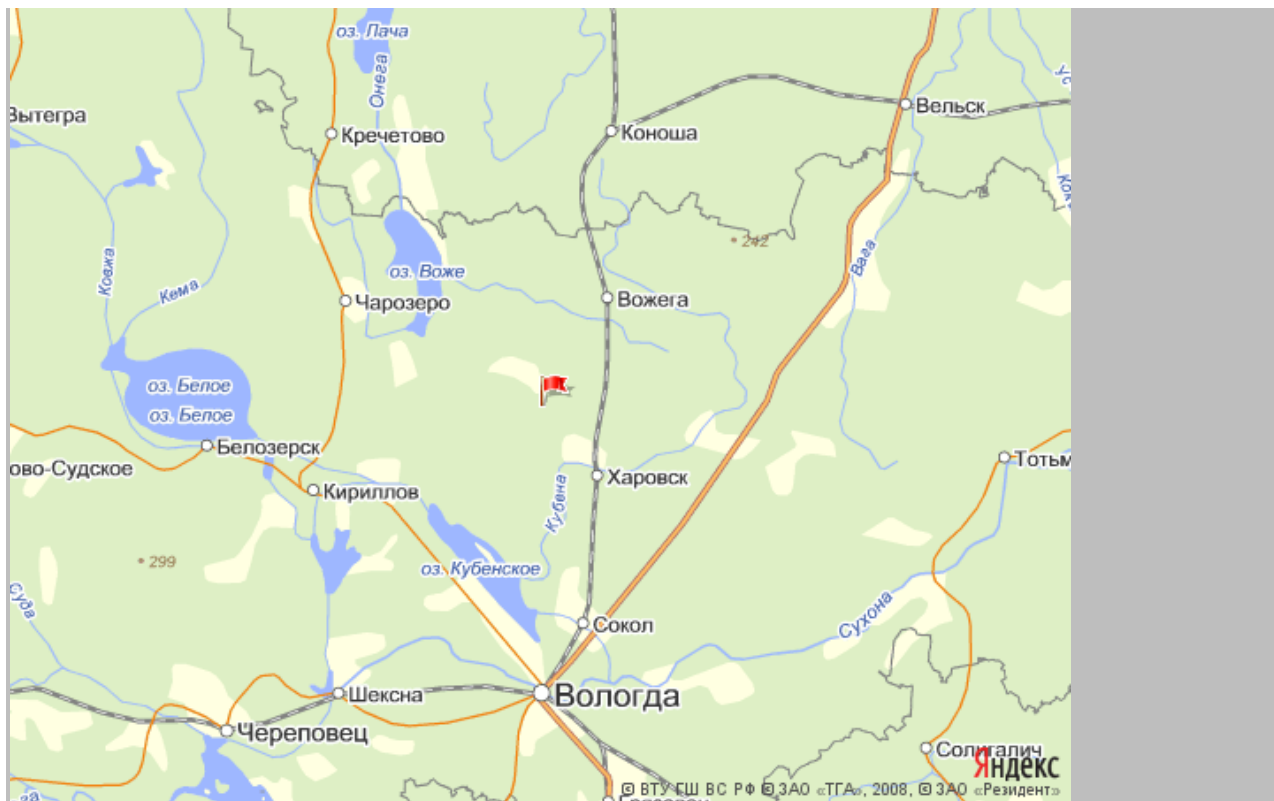
Он храбро, честно воевал,
Хотя он был совсем мальчишкой.
Он землю от фашиста отстоял
И подвиг совершал для жизни, не для книжки.

Я дедушку не знала своего.
Он умер вскоре после моего рождения,
Но я горжусь наградами его
И думаю о нем с волнением.

<http://maps.yandex.ru/>

Отмечено на карте: **село Митинская**, Ниже-Слободского с/с,
Вожегодского района, Вологодская область, Россия

<http://maps.yandex.ru/>

[javascript:void\(0\)](javascript:void(0))

Отмечено на карте:

село Митинская, Ниже-Слободского с/с, Вожегодского района,

Вологодская область, Россия

ГЛАВА 1 -2 ПРЕДКИ.

Родился 21.08.23 года в семье крестьянина бедняка в деревне Митинской, Ниже-Слободского с/с, Вожегодского района, Вологодской области.

Мать-Марфа Степановна Микитанова- 1890 г рождения из хутора Заречного (район Углов).

Отец ее-Степан Александрович.

Мать отца – Лукерья.

Мать-Мария Алексеевна из Заозерья.

Мать матери - Авдотья из Заозерья.

В начале 1915 года Марфа Степановна вышла замуж за Романцева Василия Александровича в чужую деревню Митинскую. Не по любви сосватали родители когда ее не было дома. В тот же день пришли сватать родители парня, которого она любила, но ее отец уже дал слово Романцеву. В 1916 году его взяли в армию и на фронт.

После революции и гражданской войны(1920 г) после демобилизации прибыл домой, но по дороге заразился черной оспой, один месяц проболел и умер.

У них родилась в 1916 году дочь Клавдия Васильевна, которая вышла замуж в 1936 году в деревню Тодиловскую за Николая. Умерла при первых родах, находясь у нас с мамой. Бабы поехали на сенокос, а ее заставили залезть на лошадь, мол мы старые, а она была на последнем месяце беременности. Лошадь ее и скинула. Не смогла разродиться и померла. Поздно послали за фельдшером, который жил в поселке, выстроенным в лесу переселенцами с Украины, примерно в 5 км от нас (по дороге на Пигану, сенокос деревни). Буквально через полчаса после ее смерти привезли фельдшера. Помню, мучилась Клавдия сильно, я не выдерживал уходил с мальчиками, но все равно очень переживал, как говорят, не находил места себе. Это произошло видимо в 1936 году.

ОТЕЦ- Алексей Федорович Красиков - Федянцев. Его отец Федор был призван в царскую армию, где на смог вспомнить свою фамилию - Красиков и от его имени - Федя и дали фамилию Федянцев – так и пошел род Федянцева, а его братья, было их трое, остались Красиковыми.

Отца я помню плохо, он умер от тифа в 1929 году. Помню, как он премировал меня иногда кусочком сахара за то, что я нянчил иногда двойников (Лиду, Васю- 1926 года рождения), которые в течение 1.5-2 лет оба померли.

Помню, как строили второй домик, так называемый ‘Перед’, или летник. До этого жили в зимовке, которую до выхода мамы за отца Алексея топили еще по ‘черному’, только при его участии была сделана русская печь.

“Летник” был поднят над землей, в 1-ом полуподвале хранили корм. Была сделана и русская печь. Строился он в 1926-27 годах.

Мама Марфа вышла за него после смерти 1-го мужа Василия в 1921 году.

Помню, как отец распиливал бревна на доски.

Помнится, однажды принес с охоты сову. Он был мастак. С охоты частенько приносил зайцев и рябчиков. Умело ловил рыбу – окуней на озерах, Мать пока топил печь, он уже наловит и принесет окуней на уху и рыбник.

Помню, как отец радовался, когда закончили делать печь в летнике. Он на радостях схватил меня и начал подбрасывать в верх, а я перепугался и заплакал. Мама на него, перепугаешь сына, и он отпустил меня.

Отец умел читать и писать, его считали самым грамотным в деревне. Был он лесничим, и первый в деревне колхоз организовал он в 1929 г. Помню, как сгоняли скотину в общий двор и как все женщины рыдали, жалко было расставаться с ними. Партия посчитала это перегибом. После смерти отца, колхоз распался, опять забрали скотину по домам своим.

Помню папу уже больным тифом, ослаб в конце сильно и не мог уже сходить с постели. Чувствуя, что не выживет, захотелось ему попить ключевой воды, били ключи на речке Полустреха в 3 км от деревни. Просьбу выполнила сестра Клава. Она сходила, принесла – он попил, но сказал, что это не то, что когда он пил сам из этих ключей – вода была холодней, ясно, что пока несла, она конечно потеплела.

Похоронены отец и сестра Клава у церкви на Деревеньке, где встречали все престольные праздники все нижеслободцы.

Жаль, что я не запомнил расположение могил на кладбище, и уже в 1983 году приехав на родину, да и раньше приезжал, но могилы их не мог найти.

В 1929 году родился мой брат Александр, с которым пришлось мне водиться, из-за которого я не мог лишней раз поиграть с ребятами в мячик, в 'чижик', в лапту (деревянный шарик на наклонной доске). В мячик играли партия на партию ребят поровну, одна бьет мяч по очереди, другая ловит его на поле, из первой партии должны все сбегать за 30-50 метров до задней черты и вернуться на первую черту, будучи незапятнанным мячом второй партии, если запятнают, то меняются местами – вторая партия бьет мяч (при выбросе мяча одним из первой партии), а первая ловит его и пытается опять при перебежки ребят из второй партии за заднюю черту и обратно запятнать кого-нибудь мячом и поменяться местами, и так далее..

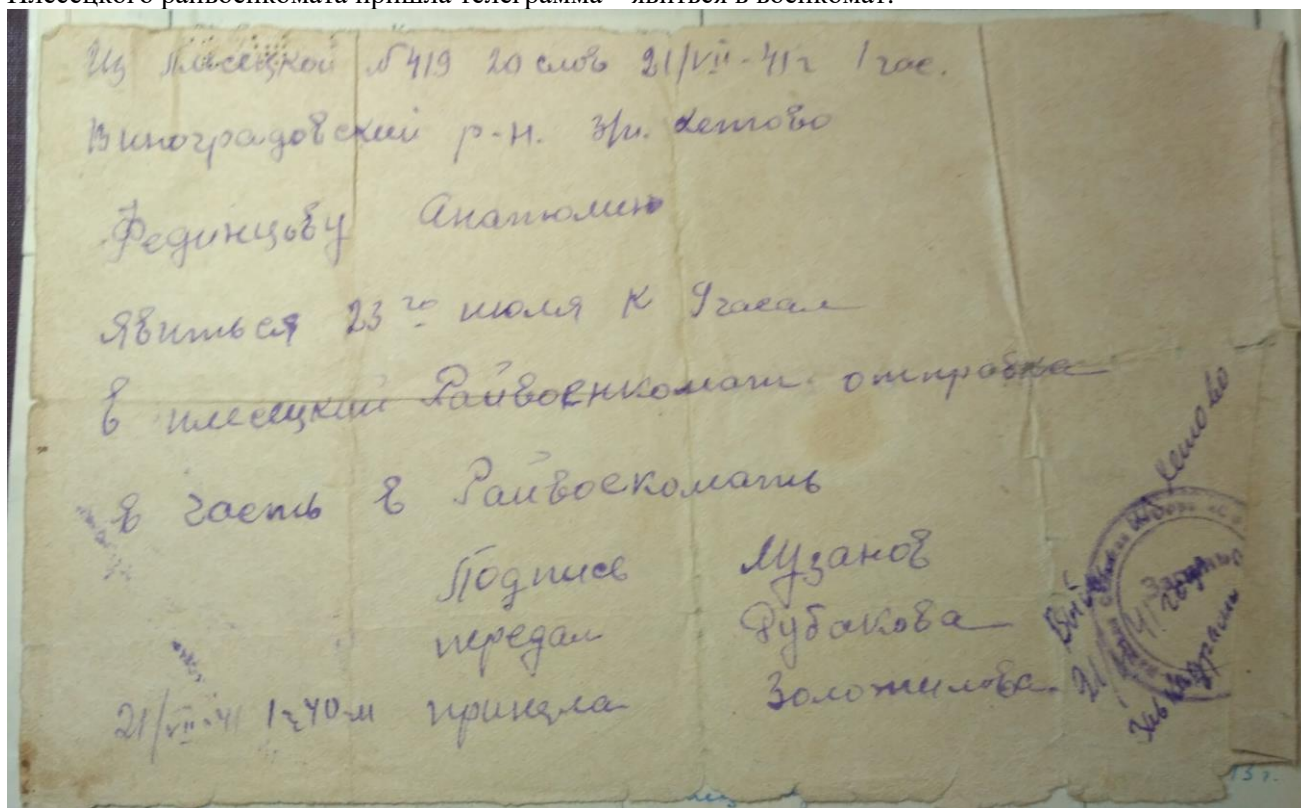
Когда я пошел в школу (только – что исполнилось 6 лет) добровольно, так как все ребята дружки были меня старше и пошли в школу и мне не с кем было играть. Я попросил маму, чтобы упростила учительницу (она снимала квартиру напротив нашего дома у Пиличевых) Марию Алексеевну Полину, чтобы разрешила неделю другую походить мне, а потом он не выдержит и бросит. Та – согласилась и я начал ходить в школу. Первую четверть баловался и почти ничего не делал. За шалости наказывался стоянием до конца урока у доски (один раз описался, но не посмел отпроситься).

Во второе полугодие учительница заинтересовала меня. На каникулах взялась учить меня – прочитает немного стихи, а затем говорит не буду кончать читать стих, читай сам ведь ты уже ходишь в школу. И эта заинтересованность окончанием стиха, заставила меня выучить все буквы и начать читать. Постепенно пошло и письмо, и математика мне давалась довольно хорошо.

К концу года – я догнал лучших учеников и меня перевели во второй класс. Так и пошел без задержки дальше учиться. Школа была в нашей деревне Митинской по 4-ый класс, затем – ерхнее – Кубинская школа с 5-7 класс в 6 км от деревни, зимой пешком по колена в снегу мороз до 40 градусов и мать упрашивала пожить на холодной халдынке рядом со школой.

ГЛАВА 3

С 1937 учился в техникуме. 26.06.1941 года защитил диплом об окончании Обозерского лесотехнического техникума. Отпуска не дали, под видом, что прошла мобилизация, производство оголено и меня направили на Хетовскую запань* на Северной Двине. Не прошло и месяца, из Плесецкого райвоенкомата пришла телеграмма – явиться в военкомат.

Комиссар меня знал по техникуму и уговаривал поступать в военное училище, говорил, что мне тяжело материально, а там мол тебя будут кормить, одевать, но я решил закончить техникум и получить специальность, поэтому не согласился

*(ЗАПАНЬ ж. твер. Заводь, залив речной, (=заплавь, запон, запонь). Цепь из брёвен, вытянутая поперек реки для задержки леса, сплаваемого россыпью).

<http://maps.yandex.ru/>

поселок Хетово

Россия, Архангельская область

Приехав в РВК, военком убедил меня поступать в военно-инженерное училище, хотя мне не было и 17 лет, а в Армию брали только с 19-ти. Но война ведь, многие добровольно идут и я согласился. Заполнил анкету и в этот же день на поезде отправили в Архангельск. Там находилось эвакуированное из г. Борисово – военно-инженерное училище. Для поступления пришлось еще сдавать экзамены. Сдал успешно и меня зачислили в училище **21.07.1941 года**.

Большинство курсантов было набрано из кадровых сержантов и старшин.

В военном училище было очень тяжело на строевой подготовке с винтовкой, сил не было носить. (справка: рост отца был 155 см, вес, думаю, 30-35 кг, он постоянно был голоден, никогда не наедался досыта. Винтовка трехлинейка – длина: 131 см, длина со штыком: 174 см, вес: 4 кг, со штыком: 4,4 кг. Отец рассказывал: казарма находилась на 3 этаже здания, потолки высокие и когда возвращались с занятий с винтовками – у него не было сил дотащить ее до третьего этажа и ему помогали ее дотащить.) Вечером в уединении – плакал.

Да еще ночью поднимали по тревоге: то немецкие самолеты бомбили, то десант выбрасывали – и бегом через весь Архангельск!

Проучившись 6 месяцев, этот набор выпустили, а нас несколько малолетних оставили. Помню, я очень опечалился: как так, я учился на отлично, а меня забраковали? Командиры посмотрели друг на друга и, мне кажется, ступевались- не знали как мне ответить. Нашелся комбат: «А Вы нарушали дисциплину! На посту тебя не оказалось при проверке начальником караула.»

Было такое дело. Я стоял на посту у оружейной мастерской. Зима, ночь, шел снег и я зашел в тамбур, а тут пришла проверка, я ступевался – нарушил правила караульной службы, ведь туда заходить было нельзя. Думал, они пойдут за дом, я выйду и они меня не увидят. Но они не ушли. Мне пришлось выйти из тамбура и крикнуть: «Стой, кто идет?» Засчитали нарушением.

Меня стали уговаривать – не плачь, ты у нас будешь старшиной роты, учиться и ходить на занятия не будешь, а будешь проводить строевые занятия, хозяйством заниматься, на обед, завтрак, ужин, в баню роту водить.

В училище запомнились несколько случаев, которые были со мной в 1942 году:

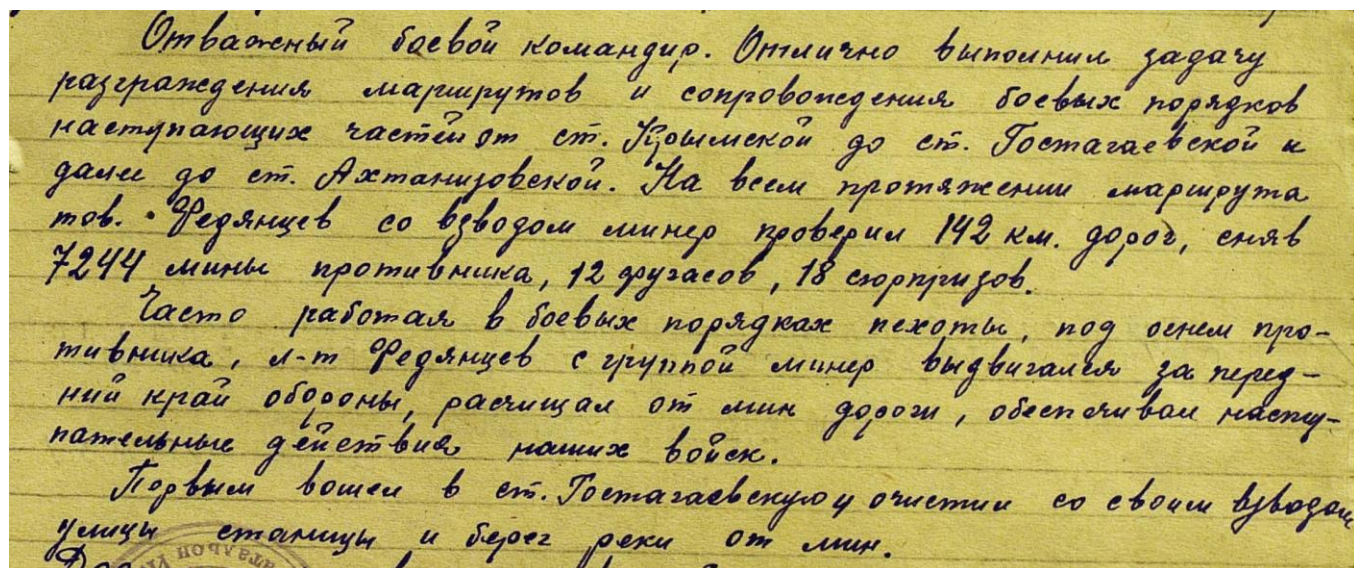
1. Зимой подготавливали основание для железнодорожного полотна через реку Северная Двина, по льду, снегу укладывали бревна, которые подвозили мощные автомобили с прицепами. С

них сваливали по слегам (толстые доски, тонкие бревна уложенные наклонно от борта до земли) на лед. Я руководил взводом по разгрузке. В горячке оказался посередине у слег, в это время толстое большое бревно с автомобиля спустили по слегам и все стоящие ахнули и закричали мне. Но все потом сказали, что это бревно должно было меня раздавить, но я не растерялся и при приближении его ко мне – успел подпрыгнуть выше его, и тут опять все ахнули – теперь от того, что я уцелел!

2. Роту курсантов повел в баню. Сам на конках с лошадью – нагруженных чистым постельным и нательным бельем. В бане грязное белье пропускали через камеру с горячим паром. После бани курсанты выгрузили из камеры белье, но не все, а спохватился я уже в казарме, не хватало полсотни простыней и белья. Поехали в баню, нашли 25 пар белья, с остальным – помог закрыть недостачу склад.

3. Был помощником дежурного по кухне училища. Утром две роты заказали оставить обед на ужин. В ротках оставили по 10 человек. В обед их покормили и поставил птичку, что роты покушали, а остальное раздам солдатам, курсантам и преподавателям. Вечером роты пришли с учений на обед, а кушать – нечего. Выскребли все сусеки на складе и в ужин накормили, обошлось без недовольных. На ужин пришел начальник училища, ему доложили о происшествии. А он говорит: «Интересно, у меня в юности все также произошло!» И меня не наказали.

Так я почти еще полгода пробыл в училище. Но надоело и я упросил разрешить сдать экзамены с выпускниками другого батальона. Сдал успешно, на отлично. Мне присвоили звание – лейтенанта, а большинству – младших лейтенантов и отправили на **Закавказский фронт**. Немцы в ноябре 1942 года были у Сталинграда и нам пришлось ехать через Москву, Ташкент, Ашхабад, Красноводск, затем пароходом (был шторм, нас очень тошнило, болела голова) через Каспийское море в Баку, из него в Тбилиси в штаб Закавказа. Там нас с Щедриновым и Левиным направили в Сочи, где переформировывалась 13 отдельная инженерная бригада спецназначения резерва Главного командования. От Сухуми до Сочи шли пешком (жд, не было).

ГЛАВА 4

В один из вечеров под станицей Крымской получил задание выдвинуться на передовую и проделать проход в минных полях своих и противника для нового наступления наших войск. Комдив дал проводника, ночь была темная. Проводник запутался и мы целую ночь блуждали, к рассвету вышли не зная куда, потом оказалось, что перешли нашу передовую и чудом не зашли на немецкую передовую. Немцы открыли по нам пулеметный и огнеметный огонь, мы по-пластунски ползли назад, видя что нас мало, немцы пошли в атаку на нас.

Видя это, командир полка – оборонявший этот рубеж, дал приказ “Катюшам” открыть огонь, который был выполнен. Снаряды обошли нас со взводом благополучно. Мы отползли в низину – укрыться почти негде. Я отыскал не дорытый окоп глубиной 70 сантиметров и залег, так как немцы открыли ураганный огонь из пулеметов и минометов, не давая нам подняться и уйти с этого места,

так как мы были видны, как на ладони. Заморосил дождь я накрыл свой окопчик немецкой плащ-палаткой. Один из снарядов взорвался рядом с моим окопчиком, меня оглушило и я потерял сознание с сотрясением мозга. Денщик увидел взрыв и палатку в воздухе, забеспокоился, подполз ко мне и увидел, что стенка окопа засыпала меня стал разгребать землю и тормозить меня.

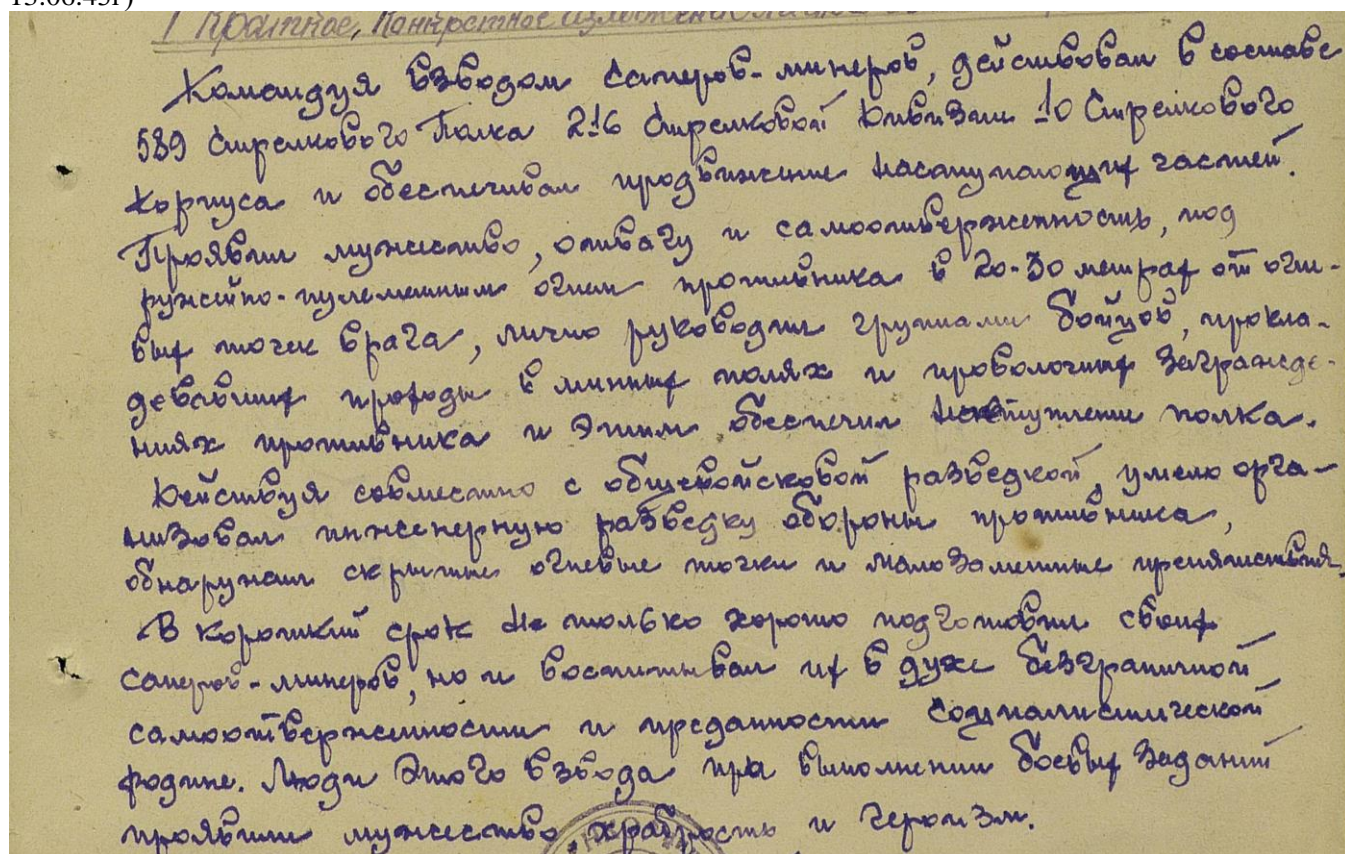
Когда он увидел что я живой и зашевелился, он стал вытаскивать меня из окопчика при помощи помкомвзвода. Вытащили, облили водой из фляги и я пришёл в сознание. Изрешечённая осколками мины палатка валялась в 10 метрах. К вечеру разыскал нас проводник и по передовой траншее привёл к месту, где мы должны были сделать проход в минных полях своих и немцев.

Ночью мы сделали этот проход и обозначили, доложили командиру полка, который должен был идти в атаку. В ответ услышали: "Вы не сделали проход и в атаку пойдёте сами, со своим взводом сапёров. У меня в полку осталось людей меньше чем у тебя во взводе".

- Это ваше дело – ответил я ему – я выполнил приказ, сделал проход.

Но сообщить другому начальству у меня не было ни какой возможности, ни ради, ни телефона. Немцы чувствуя что готовится наступление, всю ночь и весь день делали по передовой артралёты. Строчили пулемёты, стреляли миномёты, а днём ещё и авиация бомбила. В общем были в огненном пекле, находясь в траншее на передовой. В следующую ночь два моих сапёра сопровождали дивизионную разведку в тыл противника. За двое суток в этом огненном аду три моих солдата были убиты и четверо ранены.

За эту операцию командование наградило меня орденом "Красной звезды" (приказ №012 от 13.06.43г)

ГЛАВА 5

Траншеи немцев и наших находились не более 50 метров друг от друга и мы перекликались:

- Русс тавай меняться – кричали они нам – мы вам румына вы нам азербайджанца, или армяна на грузина.

А под их агитрадиоперекличку мы спокойно минировали нашу передовую, пока они говорили, немцы не стреляли. Было неопасно минировать свой передний край под говорящую агитмашину немцев, которая агитировала Советских солдат переходить к немцам, тогда немцы не стреляли.

Приходилось минировать свой передний край вместе с немцами, которые в свою очередь минировали свой передний край. Сначала ползком осторожно назначив наблюдателей за поведением немецких сапёров, а затем и они и мы во весь рост. Нас разделяла только проволока. В конце немцы уходили, окончив минирование и мы поспешили закончить минирование и поспешно уползли в свои передовые

траншеи. В начале немцы ставили противотанковые, круглые мины до трёх килограммов тола, без сюрпризов, без пехотных мин и мы разминировали их вытаскивая из лунок голыми руками. Затем к концу 43 года они стали ставить противотанковые и противопехотные мины вперемешку, а в сами противотанковые мины стали ставить взрыватели натяжного действия в дне её и по бокам, чтобы было труднее и опаснее её разминировать. Пришлось при разминировании, применять “кошки” с верёвкой. Вытягивать мину из лунки и если она не взрывалась при этом выкручивать взрыватель.

Был ещё такой случай при разминировании минных полей наших на “Голубой линии”, заминированных противотанковыми минами ЯМ-5 со взрывателями трубчатыми и предохранительными вставленными в ударник чекой.

Солдат-минёр Орисенко при разминировании правой рукой взялся за ударник хотел вынуть весь взрыватель, который не пошёл, а чека вылетела и ударник получил возможность под действием пружины ударить по пистону и взорвать детонатор и всю мину. Почуввав это, солдат неистово закричал:

“Я умираю. Не подходите, напишите жене”. Я был в метрах 30 от, так длилось минут 3-5, не выдержал пополз к нему, позвал, не отвечает, смотрю правая рука лежит около взрывателя, я ещё за ногу потряс, он пришёл в сознание рассказал, что когда чека вылетела у взрывателя он почуввав неладное, со всей силы стал тянуть пальцами конец ударника и почувствовал, что не сдержит, начал кричать, и потерял сознание. Но штырь под его усилиями пальцев потихоньку сполз, и не разбил капсуль, и мина не взорвалась. Это подтвердилось, когда я вынул взрыватель из мины.

ГЛАВА 6

Высаживание десантов на резиновых (надувных) и фанерных лодках Старотиторовской и Ахтонизовской линиях.

Высадка десанта в тыл немцев на Ахтанизовском лимане, длиной до 20 км и шириной до 10 км. 2.09.43г ночью высадили десант пехоты на резиновых лодках Старотиторовской линии количестве одного пехотного (дисциплинарного) батальона, освободивший ст. Старотиторовскую. К вечеру прибыли грузовые машины, мы погрузили лодки на них и нас привезли ночью к Ахтанизовскому лиману. Ночь и день мы готовили лодки к десанту и ночью 4.09.43г дали команду к отплытию, но с запозданием, не учли ширину лимана 8 км и к немецкому берегу подплыли с рассветом. Немец обнаружил десант и открыл пулемётный огонь. Появились раненые и прострелены резиновые лодки, которые набирали воды и тонули, началась паника, некоторые лодки полузатонувшие поплыли обратно, под огнём ещё более интенсивным. Берег лимана, куда мы намеревались высадиться, был высоким и крутой. До берега оставалось метров 300. В нашу лодку тоже попало несколько пуль. Тоже паника, я приказал сапёрам снять гимнастёрки и рубахи, и заткнуть дыры в лодке и накачивать насосом воздух в лодку. Некоторые солдаты пехоты выпрыгнули из лодки, которая потеряла некую способность. Но при затыкании дыр и накачивании лодки воздухом, она стала снова пригодна к плаванию. Я приказал плыть к берегу сапёрам, пехотинцы, посмотрев, что остальные лодки поплыли назад, закричали, что нам тоже надо плыть назад. Я обратил внимание, что мины со свистом пролетают мимо. То есть мы попали в мёртвую зону. Вынув из кобуры пистолет, я приказал сапёрам плыть к берегу противника. У берега рос камыш, а берег высокий как утёс. Поэтому выбраться наверх не было возможности. Я приказал повернуть налево, возле камышей мы проплыли до своей передовой, которую мы практически не знали. Солдаты нашей передовой нас встретили, накормили и только к вечеру мы попали на базу, с которой мы выполняли десант. Оказалось, что вернулось всего несколько лодок с 7-10 десантниками, больше половины десанта погибло. От батальона осталось 100 человек. В последующие дни я со своим взводом разминировал дорогу по набережной Ахтанизовского лимана. Уходя от базы батальона на 10 км и больше, раз, возвращаясь на базу и на 3 км от неё, ноги не идут, ну думаю, устал, оказалось у всего взвода тоже самое, не идут и всё. Сделал привал для отдыха. Пользы никакой, хоть по-пластунски ползи. Эти три км мы шли 3 часа. Еле-еле дотянули и то двоих более сильных сапёра послал за подводой, которая и подвезла нас до базы. До сих пор голову ломаю, что могло так подействовать на наши ноги.

Разминировали виноградники со спелыми плодами, в первые в жизни наелся винограда до сыта, а то и больше.

В ночь с 11 по 12.09.43г проделал проход в минных полях своих и противника, по которому, прошла наступающая пехота и танки и штурмовали сильно укреплённую “Голубую линию”. 26.09.43г вместе с пехотой вошли в город Темрюк, а 9.10.43г вышли на косу Гушку. С 5 на 6.10.43г высадились десантом на побережье Крыма у села Опасная Жуковка.

Крым.

В ночь с 5 по 6.11.43г., на катере мой взвод высадился на крымскую землю, В районе с Опасная, и сходу стал минировать под пулемётным и огнеметным огнем нашу передовую. Немцы неоднократно атаквали и мы вместе с пехотой 56 армии отражали эти атаки.

Затем строили командные пункты для управления стрелковых корпусов и самой 56 армии. Строили причалы для судов и катеров снабжающих крымские войска (около 240 тыс. солдат и офицеров) продовольствием боеприпасами и оружием. В одну из ночей морская мина взорвала один из причалов. Строить и восстанавливать причалы было очень трудно, осень, ветер, волны до 2-7 метров, вода холодная. Сваи забивали под причалы “ручной бабой” (кусок толстого дерева до 50 см и длиной до 1,5 м по бокам скобы металлические, за которые держали сапёры). Вырыли землянку, в которой развели огонь и в ней через пол часа сменялись сапёры и отдыхали от забивания свай. Строили причалы круглосуточно. Что сильно запомнилось, так это Крымский клочок земли, 10-20 км, без воды. В начале, дней десять, мы брали лед, заготовленный немцами в одном большом строении, с прибытием войск в Крым его быстро растащили, и положение стало совсем плохое, не попить, не приготовить пищи. В одной из катакомб мои сапёры нашли даже не ручей, а буквально капельки воды за ночь ведро набегало. Я поставил одного солдата охранять драгоценную влагу. Его чуть не убили солдаты пехоты. Дождик считали за счастье. Все что было: палатки, холсты – вывешивали для сбора драгоценной воды. Иногда пили воду из луж, где лежали убитые.

При разминировании металлургического завода имени Войкова сапёры обнаружили ёмкости с водой. И много недель мы брали оттуда воду. Опять при выходе из стен этого завода на открытую площадку, опять на меня пикировал Мессершмит. Я уцелел, спрятавшись в воронку находящуюся по близости, оставшуюся от разрыва бомбы.

Жили в выкопанных землянках и катакомбах. Один раз при входе в катакомбу спереди разорвался снаряд и ударной волной бросило в неё, я летел метров пять и потерял сознание, сотрясение мозга, спасли мои сапёры, отнесли в санчасть.

Немцы держали под артобстрелом и бомбы бесконечно падали на захваченный десантом клочок земли.

Помню, моему взводу приказано было подготовить лежнёвую дорогу для вытаскивания застрявших танков на болотистой местности, на нейтральной полосе при их неудачном наступлении севернее города Керчи почти на его окраине. Когда я пришёл для получения задания к командиру дивизии, находящемуся на КП на окраине Керчи, немец усиленно обстреливал из миномётов это место. После получения задания и уточнения места нахождения танков я решил сделать засветло разведку местности и нахождения танков. Взял с собой сержанта и денщика, мы пошли по окраине города Керчь. Но нам пришлось бежать от артралёта. Услышав выстрелы, залегли, затем опять бежали, и так всю дорогу, добежав до кирпичного завода, я выбился из сил, и за его стенами вблизи увидел большой камень, сел на него, а сержант с денщиком влезли в окно. Через несколько минут сержант, выглянув в окно, позвал меня:

- Товарищ лейтенант, иди сюда, здесь в землянке танкисты из тех танков.

Я поднялся и пошел, только залез на подоконник, полетел и очнулся уже в землянке, когда меня опрыскивали водой. Оказалось, что меня волной от разорвавшегося снаряда сбросило с подоконника на землю. Когда мы уходили, я обратил внимание, что камня, на котором я сидел, нет. Оказывается, снаряд угодил в него.

Танкисты предупредили нас, чтобы мы дальше не шли, так как немецкие снайперы убивают всех, кого увидят. Мы поднялись на второй этаж и осмотрели все поле, где застряли танки, затем осмотрели завод и забрали все деревянные части и железо для настила дороги. Ночью мы сделали лежнёвую дорожку к танкам. Двум из пяти танков удалось выбраться из болота.

ГЛАВА 7. АНТИФРИЗ

На причале дежурил взвод саперов. Немецкий самолет сбросил бочку чем-то наполненную. Открыли, понюхали, пахнет спиртом. Взвод выпил и все набрали котелки. С рассветом возвращается командир этого взвода (младший лейтенант – фамилию забыл) в расположение батальона. Жили мы в землянке. В это время выходит из землянки командир батальона капитан Начинкин. Увидел котелок, спрашивает: - Что несешь?

- Да вот, из сброшенной немецким самолетом бочки спирт несущ лейтенанту Федянцеву.

Моя землянка была дальше на пятьдесят метров. – А ну дай-ка сюда.

Понюхав и попробовав, командир батальона вылил все из котелка, сказав, что бог знает, что здесь. А через час ему доложили, что весь взвод отравился, всем плохо, требуется мед помощь. Поднялся шум по берегу, оказывается пехота тоже опилась жидкостью из бочки, потом установили, что это антифриз. До двух сот человек было помещено в госпиталь, пятьдесят солдат от отравления погибли, остальных частично эвакуировали в госпиталь на материк. Комбат меня спас, низкий поклон ему, сейчас он уже умер.

Еще помнится такой случай, взводом прокладывали дорогу, по побережью Азовского моря, которая была сложена из камней булыжника. Мы его уплотняли насыпом друг на друга и обозначали “Дорога сложена из камней”. Дело было к вечеру, вижу едет подвода, доставлявшая ужин на передовую. Особого значения не придавал, ну везет и пусть везет, и отвернулся посмотреть, что мои саперы делают. В это время прозвучал сильный взрыв, меня волной сбilo с ног. Подбежали ко мне саперы, подняли меня, смотрю, бричка стоит, а лошади нет, спрашиваю: - А лошадь убежала?

- Нет – говорят – Ее в море забросило.
- А где водитель?

Он лежал, откинуло его на заднее сидение. Побежал к бричке, тормозу водителя, он без сознания лежит. Говорю подошедшему сержанту – Обрызгай его водой. Тот из фляги побрызгал и привел его в сознание. Водитель ничего не говорил, только сильно мотал головой, видимо было сильное сотрясение мозга. Смотрю, оглобля переломана у самой брички, выяснил, что лошадь наступила на взрыватель морской мины, выброшенной волной на берег.

Мина была присыпана камнями, поэтому взрыв ее получился направленный вертикально вверх, и лошадь забросило в море.

Затем мы видели еще несколько круглых морских мин с торчащими взрывателями. Я не разрешил их разминировать, так как работы по окучиванию камней было много, а день клонился к вечеру и нам еще возвращаться на базу батальона километров пять.

Немец побережье сильно заминировал, и нам саперам ни дня не было отдыха. То травой поросло минное поле, то от волн песком завалило. Тяжело было мины отыскивать, затем цеплять кошкой и вытаскивать из ям, затем вынимать взрыватели из мин.

Немец продолжал делать артналеты и бомбить наш небольшой участок. Казалось порой, что не оставил ни клочка земли, где не упал бы снаряд или бомба. Во время одной из бомбежек, осколком от корпуса взорвавшейся по близости бомбы мне выбило два зуба. К бомбежкам привыкли и на земле спали во время налетов, убьют, ну и что же, умирать не сейчас, то через минуту, не от этих налетов, так от мины, куда деваться. Надо же разминировать – других спасать. Особенно тяжело переносилось, когда ночью на минном поле кто-нибудь подрывался, еще живой кричит: - Помогите! -, а темно и идти очень рискованно. Рука не поднимается послать сапера на верную смерть для выручки другого, и хотел бы, но ведь загубишь еще одного.

ГЛАВА 7 ШТУРМ ПЕРЕКОПА.

При решительном наступлении отдельной Приморской Армии 4-ый Украинский Фронт в начале апреля 1944 года штурмовал Перекоп. Наша Отдельная Приморская Армия тоже готовилась к решительному наступлению, к освобождению города Керчи.

Для наступления пехоты и танков необходимо было проделать проходы в минных полях своих и немецких. В ночь с десятого по одиннадцатое апреля 1944 года моему взводу приказано было сделать проход в минных полях севернее города Керчи. С 10.04.44 г. Немец производил артподготовку и вел минометный огонь по нашей передовой, второй оборонительной полосе и обстреливал тыл, не переставая ни на минуту. Вечером взводом стали выдвигаться на передовую для проделывания прохода в минных полях. Нам приходилось бежать от залпа до разрыва снарядов и залегать на минуту, и так до передовой траншеи. Когда добежали и залегли в траншею, то из нее не было возможности подняться, так как беспрерывно строчили пулеметы и обстреливали передовую минометным огнем. И так мы до полуночи лежали в траншее с думой, что когда-нибудь кончится этот крошечный ад. От стрельбы в ушах сплошной вой. Но выполнять приказ по проделыванию прохода надо. Отдаю приказ первому отделению, сержанту Андреанову, по одному саперу уступом 5 метров ползком вылезать из траншеи и начать разминирование прохода. Последний из отделения сапер пополз. В отделении было семь саперов. Ползком в сплошной темноте, сапер штыком отыскивает наколом в землю полосу в полметра, всего отделение разминировывает 3 – 4 метра – мало, надо минимум 10 метров. Отдаю приказ второму отделению приступить к разминированию прохода, саперы которого движутся за первым отделением. Третье отделение у меня в резерве, с которым вылезает из траншеи и движемся уже по разминированной первым и вторым отделением полосе. Третьему отделению приказал наблюдать за противником, чтобы не захватили в плен впереди ползущие отделения. Проход в своем минном поле

сделали и обозначили кольшками, поструганными в свою сторону. Саперы остановились. Подползаю к первому отделению с двумя саперами третьего отделения, которым приказываю ползти дальше к минному полю немцев и выяснить обстановку: далеко ли минное поле и какие мины. Сами все лежим – ждем, минут через 10 – 15 приползают обратно разведчики и доложили, что метров в 50 начало минного поля немцев, мины противотанковые, круглые, металлические. Даю команду 1-му отделению выдвигаться к минному полю и начать разминировать, при уползании первого отделения, даю команду второму отделению на разминирование, третьему проползти метров 30, по возможности окапаться и занять оборону с наблюдением за своими саперами и противником.

Не проходит и часа, как от первого отделения приползает сапер и докладывает, что проход в минном поле немцев проделали и обнаружили траншею ни кем не занятую. Взяв двух саперов из третьего отделения, я пополз к первым двум отделениям, которые собрались в траншее. Убедился, что траншея пустая, подумал, что это просто выдвинутый вперед от переднего края немцев, а затем ликвидированный передовой пост. Посылаю в разведку сержанта и двух сапер проверить, на всякий случай, где передовая немцев. Увлечшись выполнением задания, мы не заметили, когда прекратили немцы все обстрелы: пулеметные, минометные, артылеты. Тишина показалась невообразимая, от того кошмара адского – уши были заложены. Возвратились разведчики и доложили, что они метров сто проползли, наткнулись еще на траншею, а мин не обнаружили. Приказал – первому отделению сделать обозначение левой стороны прохода до обнаруженной траншеи, а второму отделению с правой. Третьему отделению все обнаруженные мины убрать с прохода. Оставил помкомвзвода за себя, с сержантом и сапером пополз в передовую траншею, разыскал командира полка, доложил – проход в минных полях своих и немцев сделан: обозначен кольшками. Доложил, что мы две траншеи обнаружили, и немцев в них нет, можете их занять, то есть начать наступление. Но командир полка сказал: - Я этого не могу сделать, так как наступление общее назначено на пять часов и буду выполнять этот приказ со всей дивизией, но доложу командиру дивизии.

Саперы всего взвода собрались в передовой траншее и стали ждать пяти часов, наступление наших войск.

В пять часов появились танки. Два сапера с флажками указали проход, танки вошли в проход, за ними пошла пехота, начало рассветать.

У немцев строчили пулеметы и стреляли отдельные орудия, впоследствии выяснилось, что это были оставленные “смертники”. Немецкие войска, видя безвыходное положение (4-ый Украинский Фронт захватив перекоп и взяв Джанкой, отрезал путь к отступлению Керченским войскам в глубь Крыма) поспешно начали отступать, выстреливая все боеприпасы, чтобы облегчить ношу своего отступления.

Утром же 11.04.44 г. Был освобожден город Керчь. Саперов посадили на танки и сопровождая их, стремительно наступая, 13.04.44 г. Ворвались в город Феодосию.

Увидели картину: два наших ржавых парохода частично ободранных (те, которые принимали участия в высадке нашего десанта в 1942 г. В порт Феодосии) стояли на мели. Это первое впечатление.

Взводу поручено разминировать порт города Феодосия. Залив отделялся железобетонной плотиной от моря. Мы обнаружили прорезиненные кули, начиненные по тонне взрывчаткой и установленные над водой через 25 метров по всему пирсу залива и подготовленные к взрыву одновременно при помощи взрывной электрической динамо-машины. Немцы боялись высадки нашего десанта, поэтому так усиленно заминировали порт.

Не успели взорвать при поспешном отступлении. Мне думается, что хотели взорвать, когда наши корабли зайдут в порт. Немцы поставили эти заряды на мину замедленного действия электрохимического взрывного устройства на 21 сутки, эту мину МСД обнаружил в одном из подвалов помкомвзвода Застрожников и обезвредил ее.

Прорезиненные кули с толом вытаскивали автомашиной с тросом. Много мин еще мы сняли в порту.

Мне посчастливилось побывать в домике Айвазовского, в котором никого не было. Я зашел на второй этаж и из окна смотрел на море, где художник рисовал свою картину “Девятый Вал”.

За участие во взятии города Феодосия 13 отдельная инженерная бригада спецназначения резерва главного командования получила название Феодосийской и в последующем награждена боевым Красным Знаменем.

ГЛАВА 8. ОСВОБОЖДЕНИЕ СИМФЕРОПОЛЯ.

Двадцатого апреля 1944 года участвовали в освобождении Симферополя и в его разминировании.

Погиб от разорвавшейся бомбы командир 187-го отдельного батальона инженерных заграждений Сидоров.

Двадцать второго апреля 1944 года разминировал Бахчисарай.

Двадцать пятого – двадцать шестого апреля разминировали Алушту, а затем побережье Черного моря до Кучук – Узень и пионерского лагеря Артек включительно.

Первое мая торжественное построение, мой доклад комбату в городе Алуште.

Восемнадцатого мая выселение татар, оцепление села.

Первое мая торжественное построение, мой доклад комбату в городе Алуште.

Двадцатого мая у побережья Черного моря в районе Кучук – Узень рыбаками были оставлены два кошеля для ловли рыбы, заполненные селедкой и другой рыбой. Один выложили рыбаки из Алушты, а другой я не дал – это для войсковой части. Когда мы на резиновой лодке выложили из кошеля рыбу, то грузовая машина почти полностью была загружена и вся бригада ела эту рыбу целую неделю. До изъятия рыбы наш взвод голодал.

Я обращался к старшине поселка – тот отказал, что у самих ничего нет.

Под вечер мы разминировали сотню мин, помкомвзвода собрал их в кучу на пригорке и взорвал. Ударная волна от них пошла в поселок, находящийся в низине. Шум перепугал население, у некоторых стекла вылетели, собаки вой подняли, овцы повыскакивали из сараев.

Мула вышел на балкон – успокаивать. Село было построено по восходящей на гору, стена следующего дома начиналась от крыши нижнего дома. Я отругал помкомвзвода за такой могучий взрыв, но нет худа без добра. Немедленно пришел старший поселка и попросил больше таких взрывов не делать. Он пообещал привезти продукты и дал людей собирать и носить мины. Я пообещал таких мощных взрывов больше не делать.

К первому мая 1944 года сержант Гелашвили сумел приобрести бочку пива у директора пивзавода. Протасив в вещмешке противотанковую мину, установил незаметно за одной из бочек и затем наглядно показал директору, тот с перепугу и выкатил ему бочку пива. Весело мы гуляли Первое мая в Алуште.

26.05.44 г. Отправились к Севастополю вертолетом. С 03 по 07.06.44 г. Разминировали в доме отдыха пионерского лагеря Артек (дача Молотова), устроенном 13 ОИ и Бр в Гурзуфе.

08.06 – Алушта, готовимся к выезду не знаю куда.

10.06 – грузимся в грузовые вагоны.

11.06 – отправляемся в путь, не знаю куда повезут.

ГЛАВА 9. БЕЛОРУССИЯ, 3ий БЕЛФРОНТ.

Проезжаем Джанкой – прощай Крым, затем Мелитополь, Запорожье, Белгород, Курск, Орел, Сухиничи, Смоленск.

26.06.44 г. Выгружаемся Чертки, Задровье 28.06.44 г. Славяни 01.07.44 г. Разминировали автодорогу Москва – Минск при наступлении войск. 01.07.44 г. Борисов освобожден.

Восстановление моста через реку Березинь, по которому в свое время отступал Наполеон, это мне сказал проезжавший нач. инж. Войск 3 – ого Белфронта.

23.06. – 29.06.44 года Белорусская наступательная операция “Багратион”.

При разминировании автомагистрали Москва – Минск вместе с пехотой и танками 03.07.44 года ворвались в Минск. В городе Минск разминировали все крупные предприятия и учреждения с 03 по 31 июля 1944 года. В начале день разминировали, к вечеру и всю ночь занимали оборону на окраине города, так как восточнее город был окружен стотысячной армией немцев, которые рвались в Минск.

В один из дней было приказано покинуть город. При уходе жители города преграждали дорогу и просили не уходить, не покидать их, они уже привыкли к нам саперам, вместе справляли вечеринки, вместе плясали “Пявонику” и водили русский хоровод.

Когда мы вышли на окраину города, нас остановили и приказали идти назад на старые места расположения. Наша рота расположилась в саду недалеко от ж/д вокзала и поэтому здесь часто начались бомбежки.

Минск – город большой, приходилось уходить для разминирования объекта далеко, июльские дни жаркие. В один из дней мы так находились и так устали от разминирования одного из заводов, что еле добрались до базы расположения, где в саду мы с мл. лейтенантом Шмониным В. Соединили свои немецкие платки и получилась крытая палатка, где мы с ним и спали. Во дворе был колодец. Ввалившись буквально в палатку, уставший и вспотевший я

сказал денщику – Принести холодной воды из колодца. Пришедший раньше меня и сидевший уже в палатке Шмонин говорит:

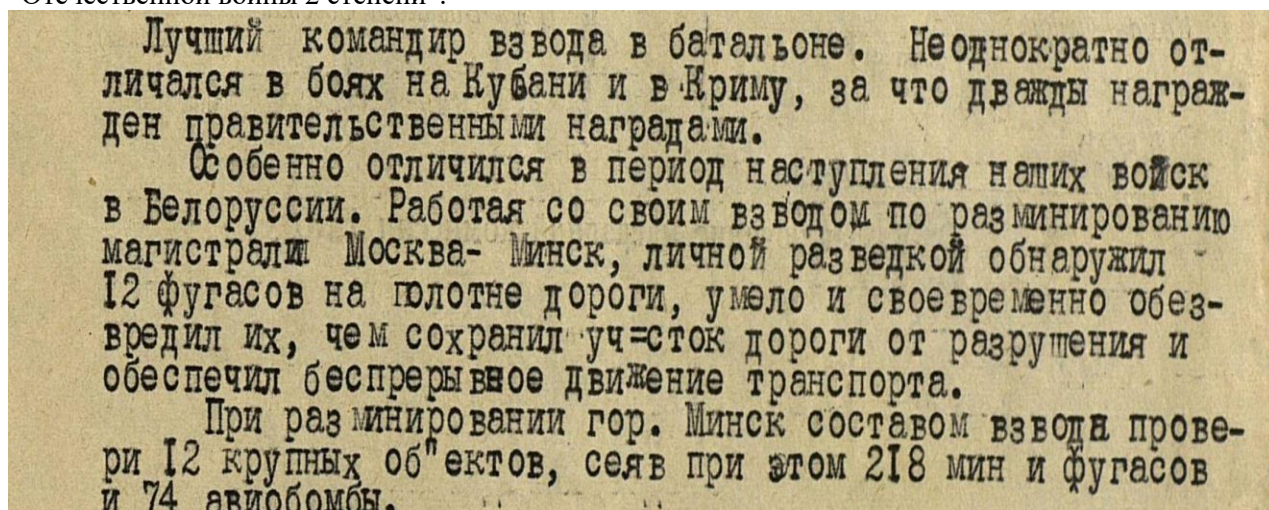
- Да не надо посылать за водой, вот смотри котелок стоит, только что принесли из колодца, пей. Я хватаю котелок обеими руками, подношу ко рту и пью не отрываясь. Смотрю, у Шмонина глаза расширяются и расширяются, не пойму и продолжаю пить. Он ударил по котелку и котелок выпал из моих рук. Хотел ругаться, что мол ты сделал. Он меня опередил, говорит:

- Не старайся, все равно ничего не выговоришь. Вот котелок другой, пей.

В нем действительно была вода, а в первом – спирт. Так я впервые попробовал натуральный спирт. Шмонин, оказывается, разминировал спиртзавод и канистру принес с собой. Помаленьку потом пили по вечерам после разминирования.

В соседскую девчонку Раю я чуть не влюбился. С ней был у меня первый поцелуй. Затем после войны она приезжала ко мне в Бобруйск и в Москву, хотели даже пожениться. В 1946 году я приезжал к ней в Минск из Нахабино, где я учился в Высшей инженерно-минной офицерской школе (с 09.45 г. По 09.47 г.).

При разминировании автомагистрали Москва – Минск моим взводом было обнаружено и разминировано 12 крупных фугасов, чем спасли дорогу и технику от разрушений и обеспечили непрерывность движения наступающих войск и транспорта. При разминировании города Минска взвод снял 240 мин и фугасов и обезвредил 74 авиабомбы. За это я был награжден орденом “Отечественной войны 2 степени”.

ГЛАВА 10. ЛИТВА

После окончания разминирования крупных предприятий и учреждений г. Минска (взводом разминировали дом Правительства БССР) нас направили в Литву.

31.07.44 г. Были в Молодечно.

01.08.44 г. Участвовали во взятии г.Каунаса, где неделю немец сильно нас бомбил. Разминировали весь город и его крупные предприятия и учреждения форты, окружавшие город.

21.08.44 г. Офицеры отдельного инженерного батальона торжественно отмечали мой 21 день рождения.

Весь август и половину сентября мы разминировали г. Каунас. Затем оставшуюся половину сентября и до 22.10.44 г. Мы разминировали минные поля районов Кауносской области, Пелчаканы, Визгины, Лопайню, Леоново, Ничкаришки, Ковальки.

Запомнился такой случай: взводу дали задание разобрать два низководных моста на реке Немсы, которые были построены при наступлении наших войск, а подходила осень, вода в реке от проходивших дождей увеличивалась и грозила снести уже построенные в городе Каунасе высоководные мосты. Приехав на мост, оценив обстановку, разъяснил задачу по разборке моста саперам взвода и оставив за себя помкомвзвода, я с сержантом и двумя саперами на берегу нашли немецкое противотанковое минное поле, разминировали пять минут. Захватив бикфордов шнур и детонаторы, на надувной лодке отправились по реке глушить рыбу для ухи на обед саперам. День был солнечный, ясный. Мы одну бросили мину, снабдив ее пятиметровым бикфордовым шнуром, воткнув его в детонатор и вставив в мину. Поджег бикфордов шнур и бросил его в воду, при взрыве ударной волной глушило рыбу, которая всплывала на поверхность, где мы и подбирали ее. Третью мину бросил по течению сержант, и мы с риском проплыли над ней, боясь подорваться на ней вместо рыбы, но течение было здесь быстрое, и мы успели проплыть до взрыва. Стали мы подбирать оглушенную рыбу, тут я услышал звук самолета, посмотрел вверх, пикирует наш “кукурузник”, и все ниже, и ниже, прямо

на нас. Никогда не подумал бы, что он летит именно на нас. Пролетев так, что чуть колесами не задел лодку, меня, стоявшего и наблюдавшего за действиями самолета, от воздушной волны пропеллеров выбросило за борт. Хорошо, что среагировали быстро сержант и сапер, меня быстро затащили в лодку. Пока вытаскивали, летчик сделал круг и опять стал снижаться на нас. Я выхватил пистолет из кобуры и пригрозил летчику. На него это не подействовало. Тогда я беру мину, хватаю приготовленный шнур с капсулем-детонатором, быстро вставляю в мину и прикладываю специальную спичку и подношу к ней, показываю, что сейчас подожгу спичку и брошу мину, только тогда летчик, учув беду, в метрах ста отвернул от нас самолет и кулаком погрозил нам. Я подумал, с чего это он обиделся? За тем догадались, что летчик вел самолет на посадку на аэродром, находившейся на левом берегу Немана и попал под взрыв мины, воздушной ударной волной качнуло самолет. Вот и причина нападения. После того, как летчик улетел, мы взорвали еще одну мину, но больше не захотелось. Подумали, что если “покачаем еще один самолет”, летчик может в обиде бросить гранату или пулеметной очередью прошить нас.

ГЛАВА 11. ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ.

После взрывной рыбалки, атаки “кукурузника”, разборки низководного моста и после вкусной ухи на обед 20.10.44 года прибыл связной из батальона и привез приказ: взводу прибыть в город Эйдкунек, только что взятый нашими войсками первого в Восточной Пруссии на немецкой земле города. Пообедав и посадив саперов на грузовую машину ЗиС, двинулись в путь. Не доезжая до Эйдкунена несколько километров у машины отказало рулевое управление. Я был в кабине, увидев, что автомашину ведет влево на полосу встречных машин. Шофер не реагирует, я кричу ему:

- Поворачивай вправо, что не видишь, врежемся во встречную.

Он говорит:

- Не могу, руль заело.

Кричу:

- Давай сигналы.

Он нажал на кнопку, встречные машины отвернулись от нас. Шофер растерялся и скорость не может убавить, и что-то тормоза отказали. Мы ехали километров шестьдесят в час, автодорога к городу Эйдкунен была хорошая, асфальтированная. Скорость убавилась, но нас занесло в кювет с метровой насыпи дороги.

Автомашина встала на попа. У меня промелькнула мысль: сейчас опрокинется. Но она постояла так немного, а затем встала на колеса. Благополучно вышли из тяжелейшего положения: не столкнулись со встречной машиной и не опрокинулись. Шофер осмотрел рулевое управление и сказал, что ничего не сможет сделать. Я послал на попутной машине посыльного, и нам через два часа прислали другую машину. Посадив на нее саперов и прицепив наш сломанный автомобиль, мы потихоньку двинулись в город Эйдкунен. Прибыв в город, разместились в одном из клубов, где также разместился другой наш взвод с командиром – старшим лейтенантом Шмониным, который успел немного познакомиться с городом, и угостил меня медом. Город видимо был поспешно брошен жителями, которые не успели все захватить и оставили много продуктов и житейской утвари. А что поразило меня: большое количество пианино, которые десятками находились на улице под открытым небом. Мы зашли со Шмониным в один роскошный дом, вся обстановка жилья была оставлена хозяевами, как и была при их жизни. В одной из комнат стояло пианино, Шмонин сел за него и исполнил песню. В это время заходит к нам журналист, который услышав звуки пианино, не поверил своим ушам. Он нас подробно расспросил, кто мы и чем занимаемся.

Еще удивило то, как много было меда у жителей, в том числе и в сотах, впервые попробовал сотовый мед.

В октябре 1944 года войска 3-го Белорусского фронта вышли на подступы к границам Восточной Пруссии. Для нас участников, да и для всех советских людей, это было волнующим событием. Три с лишним года с непрерывными боями шла к этим рубежам Советская Армия. Сколько горя и жертв осталось позади. С давних пор Восточная Пруссия считалась оплотом Германской военщины. Она была своеобразным трамплином для походов против славянских народов. Враг был еще силен, он сосредоточил мощную группировку войск, насчитывающую 780 тысяч солдат и офицеров (4, 2, 5А. 3Т-А), 8.200 орудий, 700 танков, 775 самолетов. Враг уползал в свою берлогу, но все понимали, что подобно дикому зверю, он будет сопротивляться еще упорнее, еще ожесточеннее, что путь по вражеской земле будет еще труднее. Немецко-фашистское командование, стремясь любой ценой удержать Восточную Пруссию, создало на ее территории мощную систему укреплений, включающую 9 оборонительных рубежей и 6 укрепленных районов.

Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция войск 2 и 3 Белорусских фронтов и части сил 1 Прибалтийского фронта была проведена с 13.01. по 25.04.45 года с целью разгрома группировки противника.

Инстербургско-Кенигсберская операция 3 Б.Ф. проведена с 13.01. по 27.01.45 г. (Вост. Пруск. Стратегической операции) с целью разгрома Тильзитско-Инстербургской группировки противника. В результате ожесточенным боев 3 Б.Ф. 20.01.45 г. Овладел Тильзитом и 21.01. вышел на побережье залива Куришес-Хафф.

С 23.01.45 г. Овладели Инстербургом и 26.01. подошли к внешнему оборонительному обводу Кенигсберга.

Войска 2-го Б.Ф. 26.01.45 г. Вышли к побережью Балтийского моря севернее Эльбинга, в результате чего были отрезаны пути отступления Восточно-Прусской группировки противника.

В результате операции силы противника (32 дивизии) были расчленены по три изолированные группировки и ликвидированы:

Хельсбергскую (13 – 29.03.45),

Кенигсбергскую (06 – 09.04.45),

Земландскую (13.05.45)

ГЛАВА 12. КЕНИГСБЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Часть Восточно-Прусской стратегической операции, проведенная 06 – 09.04.43 г. 3-м БФ с целью уничтожить Кенигсбергскую группировку противника: 130 тыс. солдат и офицеров, 4 тыс. орудий, 108 танков, 170 самолетов и овладеть городом и крепостью Кенигсберг.

Система обороны крепости состояла из внешнего оборонительного отвода и 3-х позиций:

- 1-ая проходила в 6 – 8 км от центра города и включала от 2 – 7 линий траншей с ходами сообщений и заграждениями, а также 15 фортов;
- Вторая, оборудованная на окраинах города, состояла из приспособленных к обороне каменных зданий, баррикад, дотов и минированных участков;
- 3-я проходила по старой городской черте и опиралась на девять фортов.

В центре города находилась цитадель, рассчитанная на гарнизон в несколько тысяч человек.

К проведению К.О. привлекались 11 гв. Армия, 39, 43, 51 Армии и 1 и 3 ВА (5,2 тыс. орудий, 538 танков, 2400 самолетов). Перед началом штурма Кенигсберга артиллерия и авиация в течении 4-х дней разрушали сооружения противника. 06.04 Войска Фронта перешли в наступление с севера и юга.

Части 43 Армии первыми ворвались в город. К исходу 08.04 овладели портом и ж/д узлом и отрезали гарнизон крепости от войск Земландского полуострова, которые пытались прорваться в город. 1500 самолетов наносили массированные удары по уцелевшим узлам сопротивления. Войска 11 гв. Армии атаковали противника в центре города и 9-го апреля вынудили гарнизон крепости капитулировать.

В ходе операции уничтожено 42 тыс. и 52 тыс. взято в плен солдат и офицеров, захвачено более 200 орудий, 128 самолетов. С падением Кенигсберга была уничтожена цитадель Прусского милитаризма.

Отрывочные воспоминания из послевоенной жизни.

Случай на елке в классе (январь 1990г)

Водил я Андрейку на праздник елки в класс. Там в программе была игра в «круг» в который ставили одного, кто нарушил правила игры и тот после кружения всех должен что либо «выкинуть» интересное: то ботинок снять, кто интересную стойку и т.д. Попался в круг и мой внук Андрейка, то он после кружения круга с учениками быстро сделал шпагат (а ведь кто не исполняет его движений – становится в круг). Все присутствующие родители аж ахнули. После праздника идем домой, я его спрашиваю, зачем ты такую сложную фигуру сделал? А он – у учительницы юбка узкая и она это не делает! Пришлось ей становиться в круг.